

Юрий Николаевич ГОЛИЦЫН.

Борис ИЛЁШИН

РУССКИЙ ХОР ГОЛИЦЫНА

«...Музыкант — как я не знаю кто» — эти слова сказаны Александром Ивановичем Герценом о Ю. Н. Голицыне. В середине прошлого века в Петербурге и Москве много говорили о капелле под его управлением. Самых строгих ценителей музыки восхищала особенная хоровая звучность, основанная на народных традициях пения без сопровождения, слияние десятков голосов в одно целое, послушное мановению дирижерской руки Юрия Николаевича, его воле. Какая-то необыкновенная одухотворенность, истинная музыкальность. Песни, до того не раз слышанные, покорили своею искренностью, простотой, безыскусственностью. И — о, диво! — исполняли их простые крепостные крестьяне, привезенные Голицыным из своего тамбовского имения Салтыки и окрестных сел. Их хоровое искусство было так великолепно, что присутствовавшая на концертах дворянская знать не могла сдерживать восторгов. Почти после каждого номера слышалось: «Браво! Браво!». О новом чуде — капелле из крепостных — сообщает печать как о величайшей сенсации.

«С этим хором, — писал в 1856 году обозреватель журнала «Русский вестник», — в России соперничать могут немногие... Да много ли и не в России найдется таких хоров, в которых без камертона или каного-нибудь инструмента, без всякого примерения, прямо бы взяли какой угодно аккорд».

Исполнилась мечта Голицына. Он создал свой хор, настоящий, русский.

Музыка вошла в жизнь Юрия Николаевича с самого раннего детства. Его отец — Николай Борисович — был превосходным виолончелистом и ревностным пропагандистом творчества Бетховена в России. Старик Голицын гордился, что великий композитор посвятил ему увертюру «Освящение дома» и три струнных квартета, так называемых «голицынских». В его доме в Петербурге часто бывали известные музыканты и литераторы. С многими из них Николай Борисович дружил. Он сам писал стихи, был одним из первых переводчиков произведений Пушкина на французский язык. Поэт особенно остался доволен переводом стихотворения «Клеветникам России».

«Вы обещаете перевод в стихах моего («Бахчисарайского фонтана»), — писал А. С. Пушкин Н. В. Голицыну. — Уверен, что он вам удастся, как все, что выходит из-под вашего пера, хотя тот род литературы, которому вы предаетесь, самый трудный и неблагодарный из всех, какие я знаю. По моему, нет ничего труднее, как переводить русские стихи французскими, ибо, при схожести нашего языка, никогда нельзя быть столь же кратким. Итак, честь и слава тому, кто справляется с этим так удачно, как вы».

Прощайте, я еще не отчаялся скоро увидеть вас в нашей столице, ибо знаю, как вы легки на подъем.

Весь ваш А. Пушкин».

Но несмотря на дружбу с музыкантами и литераторами, на любовь к музыке, старый князь и мысли не допускал, что его сын может сделать музыку своей профессией. В семье хотели, чтобы Юрий только научился хорошо музицировать, мог блистать в светском обществе. А быть артистом, давать платные концерты на эстраде, развлекать публику, позволять «апплодировать себе даже тем, у которых, может быть, нет предков», — избави бог! Это не княжеское занятие. И тем не менее сын принес в жертву своей страсти все блага аристократической жизни.

Мечта — создать свой хор из крепостных — осуществилась только после выхода в отставку. Поселившись в своем тамбовском имении Салтыки, Юрий Николаевич стал собирать и учить музыке одаренных крестьян. Не было такой деревеньки на Тамбовщине, где бы не любил петь.

Разыгрывали «Сходбища», «Плетень», стараясь забыть хотя бы ненадолго о своих горестях и печалях. Пели на посиделках. После сдвигения (праздник крестовоздвиженья), когда весь хлеб с поля перевозили или, как говорили в здешних местах, сдвигали на гумны, в риги и овны, девушки собирались в какой-нибудь хибарке — кто вязал варежки, кто чулки, пряли шерсть, мочки мыкали. Чтобы работа спорилась, а время бежало быстрее, пели посиделочные песни.

И девичник — последний праздник девушки, выходящей замуж, — не обходился без песен, грустных и печальных. Невеста прощалась с девичьей волей, со своими родителями:

Не белая заря занимается,
Мои-то разлучники
собираются,
Хотят, хотят разлучить меня,
Разлучить меня с отцом,
с матерью.

Отвечали ей подружки:

Кунуй, кунушечка,
не умолкай,
Недолго тебе куновать:
От велика дня до Петра.
Плачь, Дунюшка,
не умолкай,
Недолго тебе девовать...

Слагая песни, крестьяне вкладывали в них душу, выражали глубокие, выстраданные желания.

Самых талантливых певцов отбирал Голицын для своего хора. Предстояло научить крестьян элементарной музыкальной грамоте, чтению нот. Нелегкое это было дело. Крестьяне не имели понятия даже об интонации. Какая там музыкальная грамота, если простых школ не было. Приходилось разучивать песни по слуху, с помощью скрипки. Помогал сосед по имению Аркадий Александрович Рахманинов, дед будущего великого русского композитора, пианиста и дирижера. Одаренный музыкант-любитель, он имел оркестр, виртуозно исполнявший и сложные оркестровые сочинения, и народные песни. Именно поэтому Юрий Николаевич часто навещал расположенное в 25 верстах от Салтыков имение Рахманинова Знаменское, советовался с Аркадием Александровичем.

Уже первые выступления показали, что создан не просто певческий коллектив более чем из 130 человек, а настоящий хор, способный соперничать с лучшими тогдашними хорами. Он очаровывал тем, что исполнял простые, близкие людям песни, причем делал это на высоком художественном уровне. Аудиторию привлекало мастерство хора. Голицын — монументальный, тучный, но подтянутый красавец мужчина — точными и

выразительными жестами, как тонкими нитями, связывал мелодические линии. Он обладал какой-то гипнотической силой воздействия на хористов и слушателей.

«Его хористы были настолько музыкально образованы, — писал позже в своих мемуарах «Мировые знаменитости» В. Фитингоф-Шель, — что с этим хором можно было импровизировать, что я не раз делал. Я называл последовательные аккорды, которые хор брал тотчас, и при перемене аккордов всякий голос в хоре находил звук, который ему следовало взять, само собою, без всякого указания со стороны регента. Пение этого хора было безукоризненно и в высшей степени художественно».

Известность хора ширилась год от года. В программу своих концертов Голицын включал произведения главным образом русских композиторов, русские народные песни. Хор существовал свыше 15 лет. В 1857 году Юрий Николаевич был вынужден распустить его: не хватало средств, чтобы содержать большое количество хористов. Но хормейстерской деятельности Голицын не оставил — дирижировал другими хорами.

Летом 1858 года Юрий Николаевич вместе с известным музыкальным критиком и композитором А. Н. Серовым едет за границу.

«Как страстно преданный искусству, князь Голицын и пребывание свое в чужих краях старается употребить на пользу русской музыки, — писал Александр Николаевич из Веймара, где гостил у Листа. — ...Остановившись в Дрездене на несколько недель и узнав на опыте сильно развитую музыкальность этого города, князь Голицын не захотел пропустить случая...»

Время летнее, жаркое — пора концертов для дрезденцев кончилась (нан и у нас в Петербурге) месяца три назад; на аплодисменты немцы скупы до крайности, между тем, каждый номер программы вызывал громкие рукоплескания в зале, совершенно наполненной; «Достойно» и обе пьесы Глинки были, по единодушному требованию, повторены. Случай — для Дрездена — почти небывалый».

Дрезденские газеты не скупились на похвалы. Многие немцы впервые услышали русскую музыку и были восхищены ею. Голицын давал один концерт за другим.

За границей Юрий Николаевич познакомился с герценовским «Колоколом», о котором был слышан в России. В номере от 1 февраля 1858 года он прочитал заметку «Тамбовское дворянство не хотело освободить крестьян...», оканчивающуюся гневными словами, обращенными к тамбовскому дворянству: «А, крамольники! верно подданные рабы! Заговорили вы — жаль расстаться с розгой, плантаторы... непокорные холопы... Во имя чего смеете вы роптать?»

Но это было не первое и не последнее упоминание в «Колоколе» близких для Юрия Николаевича мест и людей. В июньских номерах Герцен опять возвращается к неблагоприятным делам тамбовского дворянства, называет и Голицына: «Едва нам позволили немного громче говорить — явился Бланк, доблестный защитник поместного права, Безобразов, желающий освобождением еще больше закрепить крестьян, его сиятельство князь Голицын, который каким-то лабазно-извозичьим языком с разными прибаутками хочет уверить крестьян, что земля не их».

Что и говорить: не ахти приятно было читать о себе в «Колоколе» далеко не лестные слова. Голицын решил ответить Герцену. Он пишет ему в Лондон, что восхищен «Колоколом», но в свой адрес обвинений принять не может, чувствует себя «совершенно чистым» и надеется при встрече передать «несколько документов, которые самую истину... раскроют как нельзя яснее» и будут для Герцена «вообщем не без занимательности».

Ответ не заставил себя долго ждать. «Позвольте мне, почтеннейший князь, — читаем мы в письме Герцена от 15 (3) августа 1858 года, — усердно поблагодарить вас за ваше письмо и за ваш добрый отзыв о «Колоколе». Мне принадлежит только мысль сделаться пономарем и труд звона — самые же звуки идут из России».

Голицын продолжает в письме: «В моих глазах ваши строгие, неподкупные, иногда смертельные приговоры могут быть сравнены только с властью средневековых Vehmgerichte (тайных судов). Только ваши казни — страшнее, с физической смертью стыд для человека оканчивается, а подпавший под ваш приговор имеет за видное удовольствие пережить свою собственную смерть, оставаться моральным трупом», — писал Юрий Николаевич Герцену в Лондон.

Переписка Голицына с Герценом не могла остаться незамеченной. Последовало распоряжение сослать Голицына в Тамбовскую губернию, в Козлов, где за ним учредили негласный надзор полиции.

Возмущенный Голицын бежит за границу. В мае 1860 года Герцен сообщает сыну из Лондона: «Здесь теперь князь Юрий/ Николай/ Голицын, уехавший без паспорта, красавец, как Аполлон Бельведерский/, музыкант — как я не знаю кто. Он рассорился с правительством — за то, что был сослан за то, что писал ко мне, и хочет давать публичный концерт с Марио/ итальянский певец. — Б. И.) в Ковен-Гардене в пользу Гарибальди».

На концерте в пользу Гарибальди присутствовали 1200 человек. За первым выступлением последовали второе, третье...

«Концерты князя/ Ю. Н. Голицына, — писал Герцен в «Колоколе», — имеют решительный, огромный успех... Англичане были удивлены, увлечены и проводили треском и громом почти все пьесы. Эстетическое нашествие русских звуков идет от победы к победе. Концерты князя/ Голицына

на чисто русские, и в этом-то их серьезное значение. Богатая натура наша высказывается тут с своей мощной стороной. Наша музыка не является скромно просить внимания своей оригинальностью и каного-нибудь гражданства, — она врывается разом, вооруженная Бортнянским и Глинкой, заявляет себя энергически и самоуверенно под партизанским начальством искусного вояды!

По всему этому мы от всей души желаем успеха и успеха русским концертам князя/ Голицына. И тем больше, что князь/ Голицын ими начинает новую жизнь — из камергеров он делается художником».

Нелегко был избранный путь. Частенько приходилось оставаться без денег, попадать в долговую тюрьму, ездить дирижировать хором в сопровождении полисмена и сразу же после концерта при страже возвращаться в тюрьму. «...Он едва ест и едва спит: у него ни гроша нет, а так, перепадает за ноты да за концертные заботы», — сообщал А. И. Герцен в мае 1861 года М. К. Рейхель — своей помощнице по сношениям с Россией.

Но Голицын не падал духом. Он продолжал свою концертную деятельность. Весной 1861 года сочиняет для организованного «Колоколом» праздника освобождения крестьян «превосходную фантазию», как оценил ее Герцен, для оркестра, составленную из популярных русских песен «Вниз по матушке по Волге», «Ах, вы сени мои, сени», отрывков из оперы Глинки «Иван Сусанин». Преклоняясь перед деятельностью руководителя «Колокола», он посвящает ему пьесу для фортепиано, названную им «Вальс Герцена». Ноты «Herzen-Valse» ныне можно увидеть в музее А. И. Герцена на тихой, уютной московской улочке Сивцев Вражек.

Выступления хора и оркестра под управлением Голицына с большим успехом проходили во многих городах Англии, Ирландии и Шотландии. Особой популярностью пользовалась «Камаринская». Она исполнялась в 150 концертах из 260, данных Юрием Николаевичем за два года.

«Вспоминаю с восторгом... — пишет Н. Тучкова-Огарева, — слышанные мною вариации на тему «Камаринской» Глинки и девятую симфонию Бетховена с женским хором в 400 человек: это было великолепно... Зала была полна; изумление, восхищение читались на всех лицах».

Имя Голицына за границей стало популярным. Его принимали как полпреда русского искусства. Но несмотря на успехи, Юрий Николаевич тянуло на родину, хотелось посмотреть, как выглядит она после отмены крепостного права.

«Я не был рожден помещиком, — писал он из-за границы 29 сентября 1861 года в письме к шефу жандармов, ходатайствуя о возвращении на родину... — И, конечно, в чужих ли краях буду или на родине, однажды принятого мною решения я никогда не изменю и останусь тверд в намерении моем — жить собственным трудом».

Однако общественно-политические воззрения Голицына не получили действительного развития. Движения шестидесятых годов он не понял.

После возвращения на родину Юрий Николаевич получил дружеское, шутовское письмо от А. И. Герцена.

Вернувшись в Россию, Голицын поселился в Ярославле, где вновь создал хор и с 1865 года возобновил с ним гастроль.

Умер Ю. Н. Голицын в 1872 году в Петербурге.